
Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М., Терра, 1994.
OCR Бычков М.Н.

I

В конце концов дачникам было скучно. Все это был народ, который много говорил о том, что любит природу, восхищался морскими далями, закатом и облаками на таинственной вершине угрюмого мыса, но почти все приехали из больших городов, где природу видели только на картинах и слишком привыкли думать о ней, как о чем-то волшебном, что может совершенно изменить жизнь и дать какие-то особенные, невероятные удовольствия. И потому, хотя все было действительно красиво – и облака на мысе таинственны, и море голубо, и волны нежны и говорливы, и солнце ярко, – все это казалось однообразным. Хотелось чего-то необыкновенного... какой-то особенной любви, поэтичной, красочной, в которой растворились бы тело и душа, как растворяются они, когда совершенно нагой лежишь на горячем прибрежном песке, в убаюкивающей ванне солнечных лучей, видишь только небо да море, а у ног тихонько звенит совсем прозрачная смеющаяся волна, такая маленькая и кроткая, точно серебряная рыбка, плескающаяся на солнце.

А этого ничего не было. Природа, как всегда, была прекрасна, а жизнь ленива и скучна. Правда, утром, когда ходили купаться и ныряли в голубой волне, было весело, но все-таки чего-то не хватало.

Женщины в пестрых костюмах, сверкая голыми руками, отплывали в море и лежали на воде, точно отдаваясь горячему солнцу. Мужчины с высокого помоста прыгали в воду, ныряли и фыркали, как тюлени. И те, и другие издали поглядывали друг на друга. Мужчины волновались, когда видели над волной круглые розовые руки или неожиданно сквозь щели купальни замечали неосторожное нагое и стройное, мгновенно исчезающее тело. А женщины смеялись звонко и нервно, чувствуя на себе жадные взгляды.

Но потом те и другие одевались и выходили на набережную, одетые, притворяющиеся, что под платьями нет ни наготы, ни желания. Они здоровались, с любезным оживлением болтали о пустяках и расходились обедать.

Набережная пустела, и бесполезно жгло ее белые камни далекое солнце. Только на обрыве, над морем, сидели одинокие девушки с книгами, и нельзя было понять, как могут они читать, когда солнце так горит, и небо такое голубое, и море такое большое. Иногда они устало опускали книгу на колени и долго задумчиво смотрели в растопленную солнцем морскую даль, где чуть мерещились пароходы, плывущие, казалось, в какую-то далекую счастливую страну. А потом потягивались, закинув руки за голову и выгибаясь стройным, гибким телом.

Вечером, когда над морем стояла белая луна, вокруг нее небо было теплое и дальний мыс таял в прозрачной дымке, на обрыве начиналась особенная, таинственная жизнь. То тут, то там раздавались голоса и странно громки были только женские. Мужчины бурчали так тихо, что можно было подумать, будто там одни женщины. И оттого казалось, что они говорят и просят о чем-то таком, чего нельзя сказать громко. А в звонком и лукаво наивном смехе женщин отчетливо слышалось:

– Знаю, чего тебе хочется от меня... Может быть, догадайся, я сама хочу того же... Но я не скажу этого, нет, не скажу...

Это были счастливые, которые уже нашли то, чего им было нужно от этой солнечной и лунной природы, от моря и теплой южной ночи. А остальные, в смутном ожидании какого-то счастья, ходили по набережной, слушали разухабистый военный оркестр, в котором, казалось, было слишком много барабанов, смеялись повторяющимся островам и ужинали на поплавках. Им было скучно и обидно, точно кто-то обманул их.

На том поплавке, который был ближе к музыке, каждый вечер ужинала одна и та же компания случайных курортных знакомых: веселый доктор, в белой панаме, с женой – молодой и бледной дамой; известный писатель, большой и басистый мужчина, с огромной швейцарской трубкой в зубах; больной чахоткой студент и тоненькая, большеглазая, как будто бы вся голубая девушка, которую днем постоянно видели с красками, примостившуюся где-нибудь у розовых камней, облизываемых белой пеной.

Это была дружная компания интеллигентных, неглупых людей. Благодаря